

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

С.С. АЛЕКСЕЕВ

Сергей Сергеевич Алексеев (р. 1924) — учёный-правовед, цивилист, философ, член-корр. РАН (с 1987), руководитель президентской программы «Становление и развитие частного права в России», один из организаторов и первый председатель совета Исследовательского центра частного права и Российской школы частного права (Екатеринбург). Автор более 35 книг и 300 статей по правовым и философским проблемам.

Недавно закончил работу над новой книгой. Отдельные главы по просьбе редакции автор предоставил для публикации.

ПРАВО НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Переливающиеся многоцветием под лучами солнца и трепещущие от дуновения ветра живые организмы права цивилизованных народов составляют вместе единое целое...

Э. Рабель

Введение

Вопросы, задаваемые автором и самому себе, и читателю

Неужели, спрашивается, значительные факты в Истории каким-то непостижимым образом связаны с крупными, пороговыми датами летосчисления? Или просто-напросто подобные даты — такие, как нынешняя, время вступления человечества в третье тысячелетие христианской эры, — самой своей значительностью побуждают нас к тому, чтобы мы повнимательней отнеслись к

происходящим событиям, попытались постигнуть их смысл, быть может, заложенные в них знаки глубинных процессов, перспективы развития? Или, вдруг по этой же самой причине, увидели в казалось бы ординарных событиях то, что в другое время было бы совершенно незамеченным?

И все же для автора этих строк ясно: именно сейчас, на пороге тре-

тьего тысячелетия, само течение жизни напрямую подвело нас к событиям, которые по самой своей сути требуют более внимательного отношения к праву, и не исключено — основательного пересмотра представлений о нем. Требуют того, чтобы мы, преодолевая известные предубеждения, попытались увидеть в этом институте, таком уже привычном, обыденном, новые, порой неведомые нам его грани, столь существенные, судя по всему, для судьбы нашего общества.

Так что, думается, вовсе не случайно два события, по сути дела — одновременно, в самый канун XXI в., в 1999—2000 гг., произошли в Европе. События, казалось бы такие разные на первый взгляд, никак не связанные друг с другом.

Одно — сложное юридическое дело, рассмотренное высшей судебной инстанцией Великобритании, — дело Пиночета.

Другое — жестокая военная акция, предпринятая военным союзом стран Северной Америки, Западной и Центральной Европы — НАТО против Югославии в ответ на несговорчивость руководства этой страны по решению этнического конфликта и на его действия, названные «этническими чистками».

В действительности же оба эти события — свидетельства одного из самых крупных сдвигов в истории человечества и в то же время — его тяжелой драмы и надежды, затрагивающие центральное звено в настоящем и будущем людей — *право*, само его состояние, тенденции его развития и судьбу на пороге нового тысячелетия.

Теперь — несколько слов о двух упомянутых выше событиях.

Дело Пиночета — дело о задержании бывшего чилийского диктатора и его выдаче Испании для привлечения к ответственности за пыт-

ки и иные преступления против человечности во время диктатуры — натолкнулось на ряд сложных проблем. Пиночет во время задержания в Великобритании уже не был главой государства, но как пожизненный сенатор все же сохранил известный официальный статус, который давал по существующим обыкновениям известные основания интерпретировать его в качестве экстерриториального, неприкосновенного.

Каковы же основания для его задержания и последующей выдачи Испании, считающей необходимым привлечь бывшего чилийского диктатора к суду за гибель испанских граждан во время военного переворота и диктатуры? Вспыхнули страсти, жесткое столкновение мнений. Вплоть до бурных, стенка на стенку противостоящих демонстраций у здания суда, куда поступило дело Пиночета. С одной стороны — сторонников незыблемости чилийского суверенитета, полагающих, что если Пиночет и подлежит ныне юридической ответственности, то только у себя, в Чили, на основании суверенной национальной юридической системы. С другой стороны — последовательных борцов за права человека, исходящих из того, что ответственность на нарушения основных прав человека, преступления против человечности не имеют границ — ни государственно-территориальных, ни временных..

И хотя высшая судебная инстанция Великобритании, палата лордов, после двукратного рассмотрения дела в ноябре—декабре 1998 г. и в начале 1999 г. (а затем и иные юрисдикционные инстанции) решила, что Пиночет не обладает экстерриториальностью и его задержание и перспектива выдачи Испании правомерны, трудные вопросы остаются. В особенности — если исходить из сложившихся представлений о госу-

дарственным суверенитете, исключительном праве государства на юрисдикцию в отношении своих граждан.

И вместе с тем даже без подробного разбора возникшей в данном случае сложной юридической ситуации каждый, думается, может ощутить: перед нами все же происходит нечто крупное, быть может — переломное, в мире юридических процессов и канонов.

Столь же сложные правовые вопросы возникают в связи с происшедшими в это же самое время событиями в самом центре Европы, в Югославии, когда в ответ на этнический конфликт в югославской провинции Косово весной 1999 г. военный союз стран НАТО (включая США и Канаду), не обращаясь к существующим процедурам по применению силы для решения конфликтов по действующему международному праву, начал систематические бомбардировки Югославии, ее столицы — Белграда, других городов и населенных пунктов, югославских военных и стратегических гражданских объектов. С тем — и это получило поддержку большинства населения западных стран, — чтобы *заставить Милошевича* (президента Югославии) вывести регулярные войска из Косово, прекратить «этнические чистки», согласиться на урегулирование конфликта с участием международных сил.

Вновь перед нами — трудные вопросы. Пожалуй, еще более сложные, чем те, которые возникли в связи с делом Пиночета. Хотя в чем-то и однотипные. Ибо и здесь возникла ситуация, когда речь идет о суверенитете и известные насильственные действия совершаются в связи с допущенными на территории суверенного государства массовыми нарушениями основных прав человека, геноцидом, преступлениями

против человечности. А значит, и здесь в каком-то отношении, можно предположить, происходит нечто значительное, крупное (и одновременно в действительности, по результатам, — явно трагическое) в жизни людей, связанное с правом, его пониманием, его судьбой.

Как разобраться со всем этим? Со всем невероятным переплетением обстоятельств, фактов, оценок.

Казалось бы, ответ на поставленные вопросы ясен, напрашивается сам собой: должно *торжествовать право*. Но если это верно, то тут же возникает другой вопрос: *какое право*? И что тут происходит — действительно ли нечто крупное, переломное в мире юридических процессов и канонов? Или же, напротив, перед нами — перспектива утраты юридических ценностей, некая легализация произвола, насилия? Или, быть может, то и другое одновременно, чтобы мы все наконец-то в полной мере определились с правовыми вопросами в нашем мире?

И вот именно события современной эпохи (дело Пиночета, события в Югославии — это не единственные «знаковые» явления конца XX в., есть и другие, частично с ними связанные, — такие, как война в Чечне) настоятельно требуют того, чтобы наша наука предприняла настойчивые усилия с целью проникнуть в глубины этого сложнейшего мирозданческого феномена — права. Именно в глубины, не ограничиваясь казалось бы «научными», а на деле во многом тривиальными и политизированными суждениями и сентенциями. Думается, этого требуют не только события самой жизни, но и уже в чем-то отвечающие таким требованиям основательные научные разработки. В том числе такие, которые опираются на богатство мировой юридической культуры, достижения различных право-

вых систем, существовавших и ныне существующих на нашей планете, — на данные, получившие освещение в литературе, прежде всего в книге о принципиальных положениях сравнительного правоведения в сфере частного права¹.

В настоящей работе предпринята попытка сделать известный шаг в углублении общих представлений о праве, а в итоге — на основании предложенных автором разработок высказать в заключительной главе некоторые соображения о перспективах развития права, о его судьбе в третьем тысячелетии.

Хотя в начале этой книги уже сказано о некоторых драматических событиях, происходящих в преддверии нового тысячелетия (и они будут оставаться в поле зрения автора и, надо надеяться, читателя — мы к ним вернемся в заключительных разделах книги), существо этих событий, а также общее состояние жизни современной эпохи, тенденций и возможных перспектив ее развития предполагают необходимость подробного неторопливого разбора правовых явлений

и процессов, привлечение новых материалов, в основном из области сравнительного правоведения, выдвижение на обсуждение некоторых дискуссионных положений.

В каком-то отношении эта работа является продолжением идей, изложенных в недавно изданной монографии «Право: азбука—теория—философия. Опыт комплексного исследования» (М.: Изд-во «Статут», 1999). Некоторые из этих идей придется отчасти воспроизвести, а может, и рассмотреть под несколько иным углом зрения, с привлечением дополнительных материалов, обобщений, гипотез. По ряду вопросов содержание книги представляет собой своего рода «теоретическую состыковку» ранее разработанных идей и данных современного сравнительного правоведения, содержащихся главным образом в исследованиях сравнительно-правового профиля по частному праву. Связанные с этим коррективы и дополнения к положениям упомянутой монографии будут в дальнейшем особо оговорены.

Перспектива

Право — одно из немногих явлений современной цивилизации, которое получило общее признание в качестве неперменного условия нормального существования людей, явление исконно цивилизационного порядка, достижение человечества, его культуры. И именно в таком качестве и таком значении праву по общему признанию уготовано оптимистическое будущее — оно переходит в новое, третье, тысячелетие и призвано по-прежнему играть достойную, высокозначимую роль в жизни человеческого сообщества.

Потому-то, надо полагать, само понятие «право», производные от него формулы и лозунги — в том

числе «правовое государство», «правовой порядок», «законность» и т.д. — независимо от реального положения дел в том или ином обществе повсеместно и постоянно используются буквально всеми: и правящими режимами, и политической элитой, и оппозиционными кругами, и деятелями разной политической и моральной ориентации, и простыми обывателями. При этом неизменно используются как надежный знак приверженности высоким требованиям современной развитой цивилизации, культуры, морали.

Более того, упомянутые правовые формулы и лозунги теперь — даже не мода. И еще менее — бе-

зусловно достоверное, очевидное выражение передовых взглядов и устремлений, как это было характерно в той или иной стране в обстановке ее разрыва с отсталыми, реакционными порядками. Они ныне по большей части — некое общее место, дежурные фразы, привычные словесные обороты, дабы не прослыть реакционером.

С великим сожалением приходится констатировать и то, что формулы и декларации о праве в ряде случаев использовались в качестве прикрытия и способа придания благообразного шарма античеловеческим, репрессивным режимам, чуть ли не индульгенции для оправдания фактов произвола и государственного терроризма. Ведь даже чудовищный режим гитлеровского нацизма именовал себя «правовым государством», а СССР, другие коммунистические страны, выразив свое презрение к праву в постулатах его «отмирания» и в практике «революционного правосознания», вместе с тем довольно искусно маскировали массовые факты расправ и террора «открытыми судебными процессами», другими, на первый взгляд современными юридическими формами и процедурами — тем, что в социалистическом обществе все происходит «по закону», в соответствии с «социалистической законностью».

Между тем реальное значение права, его высокий престиж в современном мире на пороге третьего тысячелетия действительно имеет серьезные, вполне оправданные основания. Право по самому своему существу может быть охарактеризовано как *наша* — людей — *надежда*. И в этом отношении — как условие и средство решения многих сложных (увы, не убывающих по числу и остроте) проблем, преодоления негативных тенденций и опасностей, а главное — условие и сред-

ство поступательного развития человечества, его всесторонней модернизации. Отчасти по зрелым размышлениям, по данным науки, а нередко и интуитивно, по наитию, это реальное значение и миссия права в жизни людей и «улавливается» в самом факте его высокого престижа. А это, в свою очередь, является порой побудительным фактором и для спекулятивного, в маскировочных целях, манипулирования правовыми формулами и лозунгами.

Здесь принципиально важно сделать ударение на главном факте — на том обстоятельстве, что наиболее крупный сдвиг в истории человечества — переход от традиционных к либеральным цивилизациям — по своей сути немыслим без права.

Ибо, кроме права, нет иной социальной формы, через которую может быть реализована и обеспечена сама предоснова любой цивилизации либерального типа: *свобода людей*, оптимальная реализация *индивидуальности* человека (для этого не «приспособлены» никакие иные социальные регуляторы — ни мораль, ни обычаи, ни корпоративные императивы). Кроме права, нет иной социальной формы, которая бы обеспечивала существование и оптимальное функционирование общества, его экономической, социальной и политической систем в условиях реализованных либеральных ценностей и идеалов, т. е. существование и функционирование на началах саморегуляции — самоуправления в политической и социальной сферах, *рыночной саморегуляции в экономической сфере* (на постиндустриальной стадии развития экономики).

К этому следует добавить и то, что опыт прошлого и настоящего свидетельствует: неизбежная в условиях цивилизации борьба с наиболее отвратительными проявлениями

человеческого бытия, *произволом* (включая все виды преступности) и *насилием* вне права, при отсутствии надлежащих и развитых правовых форм и институтов не только не приводит к ожидаемым результатам, но и неизменно оборачивается такой же или еще большей бедой для людей.

Есть здесь основания и иного, тоже фундаментального порядка, но относящиеся непосредственно к праву, к правовой материи.

Речь идет не только об уникальных особенностях позитивного права, его качестве жесткого организма и одновременно — живого права, но и о связанном с этим своеобразии юридической системы как эффективного регулятора (прежде всего — об общеобязательной нормативности, всеобщности), т. е. о том, без чего само существование и функционирование общества в условиях всесторонней модернизации невозможны.

Главное здесь — это то, что сама по себе правовая материя (о чем, как мы видели, свидетельствуют данные, относящиеся к различным юридическим системам) спонтанно, в силу самой юридической логики «ведет» к важнейшим гуманитарным ценностям. Причем это касается юридической материи как таковой даже в условиях, когда особенности права в достаточной мере еще не раскрылись, да и сама юридическая система обслуживает главным образом власть, выполняет в основном карательно-запретительные функции, носит в целом реакционный, античеловеческий характер. Словом, в позитивном праве, во многом независимо от функций в данных конкретных исторических условиях, все же наличествует — пусть до поры до времени и потенциально — «социальный плюс». В нем как бы изначально заложена настроенность («заданность») на

цивилизационные идеалы и ценности высшего порядка — обеспечение свободы людей, реализацию начал справедливости, равновесности в правах и обязанностях, исключение из жизни людей произвола, насилия.

Право, стало быть, по самой своей природе — *гуманитарный институт высокой значимости, призванный по самой изначальной сути служить людям*.

Эта поистине удивительная специфика позитивного права, подтверждаемая самой жизнью, реальной практикой, в полной мере еще не осмыслена наукой (хотя, надо полагать, признание права в качестве «явления разума» уже во многом объясняет указанную настроенность, «заданность» или во всяком случае открывает путь к ее постижению).

В многотысячелетней человеческой истории судьба права, его изначальная предназначенность служить людям, оказалась причудливой, порой трагичной. На первых фазах истории долгие тысячелетия право выступало в неразвитом, примитивном виде — в виде обычаев, прецедентов, отдельных законодательных установлений; все это становилось инструментом власти, по большей части подчинялось произволу правителей. И все же право по мере развития общества все более и более раскрывает свою суть, свое историческое предназначение. И наконец, в ходе великого, глобального исторического сдвига, когда реализуется переход человечества от традиционных к либеральным цивилизациям, суть права в условиях гражданского общества как бы обнаруживает свою изначальную предназначенность, и право заявляет о себе как инструмент свободы, основополагающий гуманитарный институт и одновременно как надежное, соответ-

ствующее требованиям цивилизации средство борьбы против своего истонного антагониста — произвола, насилия.

Отсюда становятся понятными, можно предположить, высокие оценки права в суждениях знаменитых мыслителей, философов и правоведов. Вплоть до таких, — как это делает Иммануил Кант, — когда право оценивается в качестве *цели общества, главного критерия общественного развития*.

Вот мы подошли к главной характеристике современного права, которая позволяет видеть в нем надежду человечества, — к его особенностям как *права человека*. И одновременно в этой связи (или даже исходя из фактического повода рассмотрения проблемы) — к правовой трактовке одного из «знаковых» событий конца второго тысячелетия — делу Пиночета, о котором уже упоминалось во введении.

Но сначала — несколько слов о том месте, которое заняли категории прав человека после Второй мировой войны. Именно после Второй мировой войны, в 1950—1960-х гг. Ибо известные со времен античности и возвышенные как основополагающие духовные демократические принципы в эпоху Просвещения, в годы Великой французской революции, в последующие десятилетия XIX в. и первой половины XX в. права человека как неотъемлемые прирожденные права личности как раз в 1950—1960-х гг. заняли центральное место в политической и духовной жизни демократических стран, в ценностях и идеалах, исповедуемых демократической общественностью. Ужасы Второй мировой войны, кровавый вандализм тоталитарных режимов, нередко прикрываемые внешне престижными государственными институтами,

потребовали того, чтобы права человека, его истонная свобода и достоинство стали основой и высшим критерием правового порядка в мире, во всех странах.

И как раз с той поры, с Декларации ООН по правам человека 1948 г., последующих международных документов, в мире, завоеывая все новые и новые рубежи, утвердилось в качестве господствующей общечеловеческой ценности *идеология прав человека*. Пожалуй, даже все более доминирующего на планете *духа прав человека*.

Весьма примечательно в этой связи, что и во внутригосударственном праве демократических стран, в том числе в конституциях, других фундаментальных законах заглавное место стали занимать нормативные положения о правах и свободах человека, о достоинстве личности. Не менее существенно и то, что во главе этого процесса оказались страны, пережившие ужасы тоталитарных диктатур и потому в реальной жизни выстрадавшие потребность утверждения твердой преграды перед этим бедствием и проклятием, — Германия, Испания, Италия, в конституциях которых положения о правах человека стали главной формулой и определяющей основой их построения.

Обратимся теперь к тому обозначенному ранее исходному пункту, отправляясь от которого, попытаемся охарактеризовать право современной эпохи, — к делу бывшего чилийского диктатора.

Напомним суть дела. Генерал Пиночет, глава военной хунты, совершившей в начале 1970-х гг. государственный переворот в Чили и учредившей затем репрессивный режим в стране, был в 1998 г. во время его частной поездки задержан в Великобритании по обвинению, представленному Испанией, в пре-

ступлениях против человечности. В то время когда пишутся эти строки, все точки над «и» в этом деле еще не поставлены (в начале марта 2000 г., в связи с заключением английских врачей о состоянии здоровья диктатора, Пиночету был разрешен вылет на Родину. — *Ред.*).

Но как бы ни завершилось данное дело, главное, что имеет принципиальное значение для права на пороге нового, третьего тысячелетия христианской эры, *уже произошло*. Это главное заключается в том, что нарушение прав человека в любой стране получает оценку в качестве деликта надгосударственного порядка и что вытекающие отсюда правовые последствия имеют обязательную юридическую силу во всем мировом сообществе. А это значит (внимание!), что *права человека становятся действующим правом в глобальном отношении — на «над-национальном», надгосударственном уровне*. И что, следовательно, права человека обладают, скажем так, *супермощной юридической силой*, и потому в соответствии с приоритетом международного права каждая национальная юридическая система призвана строиться соответственно принципам и критериям права человека.

Тут нужны некоторые пояснения. В мировой юридической практике еще до дела Пиночета права человека уже начали получать признание в качестве непосредственно действующих, имеющих прямое юридическое действие. Еще в 1996 г. судебные инстанции Германии посчитали возможным на основании одних лишь положений о правах человека привлечение к ответственности деятелей «киного», притом уже не существующего государства — бывших руководителей ГДР — за действия, которые они совершали по существовавшему в свое время (но

к рассмотрению юридического дела утратившему силу) «социалистическому» законодательству.

Здесь же, в Великобритании, при рассмотрении дела Пиночета такого рода линия не только получила завершение в виде признания глобального, надгосударственного юридического статуса прав человека, но и в соответствии со спецификой общего, прецедентного права нашла отражение в самом содержании действующей юридической системы. Ибо, напомним, право Великобритании характеризуется как раз тем, что в нем как системе общего прецедентного права демократические правовые ценности и идеалы не просто учреждаются декларациями «сверху» (что во многих случаях на долгое время оставляет их сугубо «бумажными» и пропагандистскими формулами), а формируются и утверждаются в самом процессе правового развития и по своим результатам прямо «входят» в действующую юридическую систему, а отсюда и в практику правовой и политической жизни.

Последнее из указанных обстоятельств является в высшей степени важным: оно, надо полагать, уже в значительной мере объясняет смысл высказанного выше утверждения о том, что каждая национальная юридическая система теперь «призвана строиться соответственно принципам и критериям права человека». Прошу внимания! Не просто *прав* человека, а именно *права* человека! Стало быть, не в значении одних лишь субъективных возможностей индивида, отдельного лица, имеющих к тому же в основном духовное, моральное значение (как до сих пор понимается данное выражение), а прежде всего *в значении объективного права, элемента или даже основы действующей юридической системы со всеми присущими объективному праву характеристиками: общеобязательностью, государственным принуждением к ис-*

полнению соответствующих требований, юридической ответственностью за их невыполнение.

Тут нужно вспомнить азбучное положение из области юридических знаний. Слово «право» в юриспруденции имеет два основных значения: во-первых, значение субъективных прав (юридических возможностей индивида, конкретного субъекта — например, правомочий гражданина на получение пенсии) и, во-вторых, значение объективного права (системы норм, законоположений — например, пенсионное право).

Так вот, права человека только тогда обретают действительную юридическую силу и значимость, когда действующая юридическая система становится «правом человека», то есть когда действующая юридическая система, сохраняя все особенности общеобязательного, властно-принудительного нормативного регулятора, вместе с тем по своему содержанию, юридическим механизмам, построению юридических институтов, процедур настроена на служение человеку. И когда, следовательно, человек, его неотъемлемые права становятся высшим принципом и высшим критерием — притом уже и общечеловеческим и юридическим критерием! — при решении любых правовых вопросов. И когда, нужно добавить, в практическом отношении права человека как категории духовного, морально-го порядка высокой значимости оснащаются силой юридических механизмов и средств действующей юридической системы, что и делает их полновесными субъектами права и в строгом юридическом значении.

Есть весомые основания полагать: *перед нами самое значительное явление в процессе преобразования права при переходе человечества к цивилизациям либерального типа.* Если угодно — кульминация «либеральной революции» в праве. Сейчас, на пороге

нового тысячелетия, при всей значительности самого этого качественно-го перелома в мире права мы пока находимся на первых фазах указанного процесса. Сам переход человечества к цивилизациям либерального типа происходит в ходе сложнейших столкновений, противоречий, переплетения разнообразных факторов, социальных сил, исторических зигзагов. И это конечно же накладывает свою печать на правовое развитие, нередко резко осложняет, деформирует его. Но принципиально важно, что сам этот качественный перелом в мире права определился с должной строгостью и, главное, уже реально происходит.

Причем факты последнего времени свидетельствуют, что в такого рода перенастройку юридических систем в практическом отношении вовлекаются новые секторы права. Так, вслед за весьма определенным решением вопросов, связанных с нарушением неотъемлемых прав человека, относящихся по своему профилю к уголовному правосудию (и по делу бывших руководителей ГДР, и по делу Пиночета), в судебной практике Германии, ряда других стран — как будет показано в последующем изложении — намечается аналогичная линия по проблематике частного права.

Здесь важен масштаб подхода к рассматриваемому явлению. Наряду с отработкой юридических механизмов, всего правового инструментария в соответствии с идеалами и критериями права человека (многогранная работа, требующая, по-видимому, долгих лет упорного труда) первостепенное, на мой взгляд, значение принадлежит ключевому звену — *самому факту должного осознания того, что человечество вступает в новую полосу бытия права, в новую эру права, и отсюда — более высокой, более значимой ступени правовосприимчивости и правового мышления и, следовательно-*

но, самой трактовки всего комплекса юридических институтов, принципов и идеалов, тенденций и перспектив их развития.

Одна из таких новых трактовок — это характеристика законности как принципа современного демократического общества. Законность, нередко определяемая в качестве общего, одинакового для каждого общества требования строжайшего соблюдения существующих юридических норм, в действительности может иметь качественно разное значение, далеко не всегда с одними позитивными характеристиками и оценками (коварная миссия «социалистической законности» в советском обществе, олицетворявшей режим сталинской тирании и произвола, — тому пример). Поэтому сама логика жизни потребовала, чтобы приведенная выше общая характеристика законности при всем ее значении получила бы как принцип современного демократического общества особое выражение, отвечающее сути права человека.

Думается, соответствующая формула уже прозвучала в исследованиях выдающегося мыслителя Ф. Хайека, которому порой отводят амплуа всего лишь теоретика-рыночника, но который, надо полагать, достоин более высокого статуса — классика современного либерализма, его основ. Именно в исследованиях Ф. Хайека при рассмотрении самой сути общества, утверждающего либеральные ценности, сформулировано положение о *правозаконности* как об одном из величайших достижений либеральной эпохи, «послуживших не только щитом свободы, но и отлаженным юридическим механизмом ее реализации»².

Это выражение — «правозаконность» — не тавтология, не «масло масляное», как это может показаться на первый взгляд, а констатация того, что принципом демократического об-

щества должна быть признана не всякая законность, не просто строжайшее соблюдение действующих юридических норм (хотя и эта сторона законности, как мы увидим, остается весьма существенной). «Щитом свободы» и тем более «отлаженным юридическим механизмом ее реализации» должна быть признана именно *правозаконность* — законность, *основанная на праве в его глубоком гуманистическом понимании*. То есть под углом зрения особенностей права в либеральную эпоху — законность, *основанная на праве человека как объективной категории*.

И еще один существенный момент, который следует взять на заметку. Здесь уместно в дополнение к ранее сказанному хотя бы в самой общей форме сказать о том, что наряду с происходящей с середины XX в. линией на возвышение права произошел в это же время гигантский, поистине фантастический прорыв научно-технической мысли, взрывной подъем науки и техники, технических свершений, создавших основу для перехода к постиндустриальной стадии экономики, нарастающего и устойчивого экономического развития, прогресса во всех областях жизни общества. Впрочем, «другое» ли это явление? Не вернее ли считать, что перед нами по всем данным нечто единое, органически цельное, выражающее при переходе к либеральным цивилизациям взлет человеческого духа, разума?

¹ Речь идет о прекрасном издании, обобщающем основные данные по сравнительному правоведению последнего времени: и по его теории, и в особенности по проблемам частного права (данные во многом уникальны и отличаются углубленным юридическим анализом): Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т.: Пер. с нем. М., 1998.

² Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 128.